
ВАЛОРИЗАЦИЯ В ЖИЗНИ И В ЯЗЫКЕ

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН

Светлой памяти моего научного руководителя

Т.М.Николаевой

Как известно, язык является средством отображения действительности и составной частью культуры. Наука же о языке всегда направлена на разработку таких методов анализа, которые призваны определить границы языка и его место среди других культурных феноменов. Казалось бы, границы между фактами жизни и фактами языка чётко установлены, связь между отображаемой действительностью и отображающим её языком вполне наглядна, осязаема и легко определяема. Однако существует, по крайней мере, одна область, где сложно определить ту грань, которая отделяет факты жизни от фактов языка. Это – таинство превращения эмпирического факта в знак.

Опираясь на идеи Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона о том, что непосредственно наблюдаемый эмпирический факт может быть фонологизирован лишь в случае его валоризации, а также на мысли Т.М. Николаевой о различной степени валоризованности речемыслительных типов, сформулируем основной тезис наших рассуждений: в процессе коммуникации, в речи культурно и прагматически «сильными» являются те высказывания, которые в той или иной степени валоризованы. Трудноразрешимым является вопрос о языковом статусе подобных высказываний: становятся ли они лингвопрагматическим знаком или же остаются рядовыми высказываниями. Трудность, в первую очередь, заключается в том, что, вероятно, валоризованным в подобных случаях чаще всего можно считать само содержание высказывания, но не его форму (фразеологизированность конструкции, фиксированное лексическое наполнение, особое употребление грамматических средств). Можно ли в этом случае говорить о валоризации высказывания как языковой единицы или же язык здесь выступает транслятором «валоризованных идей»? Нас заинтересовало одно из проявлений процесса валоризации, и мы постараемся показать, как валоризованные в социуме (культуре) объект или событие «закрепляются» в дискурсе и как затем «перетекают» в язык (если «перетекают!»).

Несмотря на кажущуюся чёткость и однозначность термина «валори-

зация», он требует более детального описания. Известно, что этот термин восходит к сосюрговскому понятию *vaieur* «ценность лингвистического знака», однако является действенным инструментом описания различных семиотических систем, показывая механизм превращения эмпирического объекта в знак. Согласно Т.М. Николаевой, в сознании человека существуют две системы – эмпирическая и валоризованная, именно «сосуществование этих двух систем (по крайней мере!) пронизывает всю ментальную структуру *homo sapiens*»¹. Эмпирический факт становится единицей системы, то есть валоризуется, в том случае, когда количественно или качественно превышен порог восприятия, когда данный факт становится перцептивно маркированным². Какие факторы и жизненные установки могут способствовать перцептивной маркированности? Представляется, что валоризация может быть обусловлена такими факторами, как предписание / рекомендация («*принятое, узаконенное положение*»), аксиома / постулат («*утверждение, не требующее доказательства*»), авторитет («*общепризнанное значение, влияние, общее уважение*»), статус («*сложившееся состояние, положение*»), стереотип / стандарт («*прочно сложившийся, постоянный образец*»). Все указанные понятия обозначают нечто постоянное, общепринятое, узаконенное в жизни, в социуме и все они лежат в основе следующих жизненных принципов: *Неважно, как есть на самом деле, важно, как считается; Как назовешь, так и будет.*

В мировой культуре сформулировано множество мыслей, афоризмов, выражающих суть явлений, основанных на общепринятых, постоянных, прочно сложившихся установках. В них зафиксированы валоризованные в социуме идеи и модели поведения, ср.:

(1) В бессчётных традициях протекает наше человеческое существование. Э. Гуссерль; (2) Обычай правомочен по той простой причине, что общепринят, - в этом смысл его таинственной власти. Б. Паскаль; (3) Авторитет является источником предрассудков. Х. Гадамер; (4) Опасно быть правым там, где авторитетные лица не правы. Вольтер; (5) Когда говорит человек в мантии и шапочке, всякая галиматья становится учёностью, а всякая глупость - разумной речью. Мольер; (6) В мире царит не знание, а мнение. Анаксагор; (7) Авторитет громких имён слишком часто служит основанием для заблуждений. С.-П. Бернарден; (8) Ничто так не заразительно, как заблуждение, поддерживаемое громким именем. Ж. Бюффон; (9) Власть придаёт словам отпечаток правды. Менандр; (10) Как бы то ни было, все мы живём во власти стереотипов. И тем интереснее, когда жизнь даёт нам возможность их разрушить... С. Майер;

¹ Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000, с.13.

² См. об этом в статье: Николаева Т.М. Речевая модель «обывателя» и идеи Н.С. Трубецкого – Р.О. Якобсона об оппозициях и «валоризации». // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч.Вс. Иванова. М., 1999, с. 704 – 720.

(11) *Перепрыгнув с собаки на льва, блоха изменила свой статус, но не свою сущность...* В.А. Чернов; (12) *Пусть жираф был неправ, / Но виновен не жираф, / А тот, кто крикнул из ветвей: / — Жираф большой, ему видней.* В. Высоцкий.

Обобщая содержание данных высказываний: «индивид» во власти традиций и стереотипов; «социум» непреложно следует мнению (подчас сомнительному) авторитета и власти. Безусловно, такие явления, как *авторитет, власть, масса*, нужно понимать в расширительном смысле, а иногда и вовсе как метафору. «*Вся жизнь складывается из дистанций*» и жёстких иерархий³. В жизни каждого происходят события, основанные на валоризованных моделях поведения, то есть таких, когда не столь важна «*суть*», сколь «*модель*», когда в суть не вникают, а разыгрывают отработанную модель поведения, «*готовую партитуру*». Чем жёстче действует в социуме эта схема, тем социум являет собой наиболее валоризованную систему. «*Несомненно также, что “плотность” валоризованной системы бывает различной: представляется, что для так называемых “традиционных” культур она максимализирована, поэтому они и “холодные”, то есть не развивающиеся*»⁴.

Приведём достаточно распространённый пример: конфликт работника («индивида») с руководителем («авторитетом»). В этом случае, как правило, индивид начинает не соответствовать некоему «субъективному» (валоризованному в данном коллективе) стандарту, перестаёт обслуживать некие внутренние, глубинно-субъективные, личные (часто – неосознанные, не материализованные, на которые невозможно указать, которые невозможно описать) требования «авторитета», вследствие чего «индивида» принято считать в коллективе плохим (человеком, специалистом и т.д.), автоматически формируется стандартная реакция практически на любые его действия – от умолчания до неодобрения, критики, осуждения. Таким образом, начинает формироваться новое стандартное отношение к нему, то есть происходит своего рода «перезагрузка» его позиции в коллективе. Именно этот процесс можно назвать следствием процесса валоризации.

В литературе, в науке, в культуре в целом лучшие представители того или иного общества чутко реагируют на плотность валоризованной системы, что находит отражение в художественной литературе, в публицистике, в науке. Так, известный французский лингвист Гюстав Гийом, рассуждая о том новом, что привнесла в науку книга Ф. де Соссюра, в частности об известной дихотомии «язык / речь», говорит о своём несогласии с отдельными положениями концепции Ф. де Соссюра и о власти авторитета в науч-

³ Канетти Э. Масса и власть. - <http://knijky.ru/books/massa-i-vlast>

⁴ Николаева Т.М., указ. соч., с. 14.

ном сообществе: «Замечания, которые касаются ситуации в науке на момент выхода труда Ф. де Соссюра, объясняют насущную необходимость вмешательства для её исправления. Однако такое вмешательство, если оно должно произойти, должно было бы исходить от уже знаменитого метра, к которому прислушиваются в учёном мире. Если оно исходит даже в самых высших формах от малоизвестного человека, находящегося со всей своей наукой в безвестности, оно не сможет дать сразу же ни малейшего эффекта за отсутствием резонанса. Недостаточно высказать важные вещи, надо также, чтобы они были высказаны солидными людьми. Солидные люди поступали бы мудро, если бы в полной мере осведомлялись о важных вещах, которые необходимо высказать»⁵.

Ю.Н. Тынянов пишет о том, как реагирует П.А. Катенин на авторитет А.С. Пушкина, критикуя его балладу «Жених», которую и поныне принято считать очередным шедевром поэта: «Катенин в конце 1827 г. был сильно раздосадован балладой Пушкина «Жених», в которой видел «состязание» с собой и о которой писал тому же Бахтину: «Наташа Пушкина («Жених». — Ю. Т.) очень дурна, вся сшита из лоскутьев, Светлана и Убийца (баллада Катенина. — Ю. Т.) окрадены бессовестно, и во всём нет никакого смысла. Правда и то, что *ему незачем стараться: все хвалят* (выделено нами – Р.Г.)»⁶. Подобной модели отношения к «авторитету» следуют во многих сообществах, коллективах *принято* хвалить / *принято* ругать. Коллектив игнорирует «истинное положение дел» (по сути, эмпирический факт) и следует валоризованной установке: «книга не понравилась, но надо похвалить», «а статья ничего, интересная, но как же так, это ведь «он» её написал – надо бы покритиковать».

В художественной литературе образы, отдельные диалоги, а иногда и целые тексты часто строятся на обыгрывании феномена валоризации. Так, в рассказе Тэффи «Башня» подобные установки эксплицированы в самом начале, что само по себе является художественным приёмом, поскольку на протяжении всего последующего текста образ башни трансформируется из отрицательного в положительный и, по сути, архитектурный объект «башня», постепенно приобретая смысловозначительную значимость, валоризуется и становится вначале знаковым архитектурным памятником, затем культурным знаком, а впоследствии, как известно, – символом Парижа, ср.: *Нам давно даны эстетические директивы: не любить Эйфелеву башню. Она пошлая, она мещанская, <...> она – не знаю что, она – не помню что, но, словом, её любить нельзя. Я очень покорная. Нельзя так нельзя. <...> Эйфелева башня для меня не существовала. Вид её*

⁵ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004, с.35-36.

⁶ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. http://knigolubu.ru/russian/classic/tyinyanov_yun/arhaisty_i_pushkin.14634

меня раздражал. <...> *Не полюбила я её. Как было приказано эстетическим декретом, так и не полюбила.* Прерывая рассказ об Эйфелевой башне, Тэффи повествует о русских эмигрантах, устремивших свой взор на вечернее парижское небо. Она говорит о том, что человеку в жизни нужна путеводная звезда, без которой ему одиноко и страшно. Возможно, поэтому Тэффи пишет: *Нам, русским, почему-то всегда кажется, что мы должны отыскать Большую Медведицу.* Но вдруг оказывается, что и у нас, на земле, для всего земного шара (даже для «монашка в скуфейке» из Соловецкого монастыря), сегодня есть путеводная звезда – Эйфелева башня: *- Вы один там? – Двое нас. Другой немой. – Тяжело? Он опять покраснел. – Ночью – нет. Ночью она разговаривает. – Кто? Кто разговаривает? – Она. Эйфелева башня. <...> Эйфелева башня! Или ты сказка, или нас кто-то выдумал..., а нам с тобой вместе на свете жить - уж больно диковинно!..* (Тэффи фактически зафиксировала для поколений, «поймала» тот момент в истории культуры, когда эмпирический факт «Эйфелева башня» валоризировался, превратился в культурный знак, но пока ещё не стал символом).

Ср. также диалог из рассказа Сергея Довлатова «Хочу быть сильным»:

— *Вчера, — говорит, — перечитывал Кафку.* (Читать и перечитывать Кафку, восхищаться его творчеством принято в хорошем обществе). *А вы читали Кафку?* (В норме от адресата ожидается положительный ответ, соответствующий стандарту, своего рода «пароль», «метка территории», граница между «своими» и «чужими».)

— *К сожалению, нет, — говорю.* (Ответ не соответствует стандарту и, по сути, является для адресата сигналом: «чужак».)

— *Вы не читали Кафку?* (Стандартная реакция на нестандартный ответ, произносимая с определённой интонацией; сигнал к запуску «прагматической программы»: подвергнуть обструкции.)

— *Признаться, не читал.*

Целый день Барабанов косился на меня (Проявлял недружелюбие, неодобрение.) *А в обеденный перерыв заходит ко мне лаборантка Нинуля и спрашивает:*

— *Говорят, вы не читали Кафку* (Неопределённо-личное «говорят» в данном случае выступает прагматическим оператором, вводящим пучок информации: есть тенденция к огласке, этот факт в данном сообществе обладает некоторой значимостью; к этому принято относиться неодобрительно.) *Это правда? Только откровенно. Всё останется между нами.* (Я отношусь к тебе положительно и даже готова покрывать порицаемое «нашими» поведение.)

— *Не читал, — говорю* (Не исключено, что от адресата в данной си-

туаации ожидалось уклонение от прямого ответа, поэтому прямой ответ шокирует героиню рассказа.)

Нинуля вздрогнула. (Несмотря на то, что информация мне известна, я подаю сигнал: это неожиданно, пугающе, у нас так не принято, я не на твоей стороне, я с «нашими» *и пошла обедать с коллегой Барабановым.* (По сути, в контексте данного диалога подобное поведение героини равносильно бойкоту.)

Известная своими нетривиальными художественными приёмами Тэффи сюжет рассказа «Джентльмен» построила на нарушении стандартной прагматической стратегии, ожидаемой от такого лингвокультурного типажа, как «джентльмен». Джентльмен должен: иметь хорошие манеры, неукоснительно соблюдать правила этикета, галантно обращаться с женщинами. Герой рассказа всячески выказывает «джентльменскую манеру поведения», однако в своём «рвении» казаться безупречным джентльменом добивается обратного. Каким образом? Разрывая ассоциативную связь между означающим (формой) и означаемым (содержанием), нарушая билатеральную целостность знака. Вот как Тэффи описывает встречу двух старых знакомых – мужчины и женщины:

Они встретились совершенно случайно <...>, кинулись и схватили друг друга за руки.

- **Значит вы рады, что встретили меня?** <...> (В данной ситуации ответ героини не соответствует прагматической стратегии разговора и имеет «повышенный градус искренности»: так не принято отвечать на «этикетную» радость. По сути, героиня выходит из круга валоризованной системы в открытое эмпирическое пространство.)

- **Безумно! Безумно! Я... я люблю вас!** – **воскликнул он и снова схватился за голову.** (Герой следует «джентльменской» прагматической установке: со словами дамы нельзя не соглашаться, хороший тон – угодить даме. Форма коммуникативной установки соблюдена, но содержание неадекватно данной ситуации.) – **Боже мой, что я делаю! Ради бога, простите меня! Неожиданная встреча... я потерял голову! Я никогда бы не посмел! Забудьте! Простите! Варвара Петровна!** (Уловив неадекватность своего ответа, герой-джентльмен пытается исправить положение, прибегнув к каскаду новых стандартных высказываний, которые он «нанализует» друг на друга, образуя своеобразную градацию. Он пытается вырваться из замкнутого круга коммуникативных штампов, но ему так и не удастся сделать это вплоть до самого конца рассказа. Он будет находиться в плену валоризованных речемыслительных штампов, не сможет вырваться из замкнутого круга валоризованной системы и найти своё спасение в безбрежном море эмпирических фактов.)

- **Нет, нет!** <...> **Зовите меня всегда Варей... Я люблю вас.** (Герои-

ня упорно нарушает прагматический формат разговора и продолжает находиться вне зоны валоризованной системы, принимая слова героя «за чистую монету» и искренне откликаясь на них.)

- О-о-о! – застонал он. – Вы любите меня? Значит, мы погибли. <...> **Теперь мы больше не должны встречаться.** (Герой следует прагматической установке: защитить даму вопреки (как будто бы?!) своим интересам.)

- Но почему же? – удивилась Варя. (Героиня продолжает оставаться в зоне эмпирических фактов, то ли не понимая, то ли не желая понимать прагматических установок героя.)

- Я джентльмен, и я должен заботиться о вашей репутации и о вашей безопасности.

Упорное следование прагматическим установкам, неспособность или нежелание «услышать» героиню приводят, наконец, к юмористической развязке коллизии. Последние слова героини, казалось бы, не оставляют место для сомнений: **- К чёрту! Вот что я говорю! – крикнула Варя и вскочила со скамейки. – Убирайтесь к чёрту, идиот шепелявый! Не смейте идти за мной, гадина!** Но и эти слова не отрезвляют героя, не заставляют его опомниться и всё-таки выйти из валоризованной системы. Продолжая логику своих рассуждений, он делает весьма странный вывод из всей этой ситуации: **«Я люблю и любим, - думал он. – Вот это и есть счастье. Только нужно быть осторожным. Иначе что же? Пулю в лоб?»**. Таким образом, этот рассказ построен на прагматическом противоречии между двумя системами – валоризованной и эмпирической, что приводит к неадекватности поведения героев и как следствие нарушает билатеральную целостность знака - целостность его формы и содержания.

Мы рассмотрели случаи, когда поведение человека – члена коммуницирующего социума - обусловлено валоризованной прагматической установкой «принято поступать так; игнорируй эмпирический факт и поступай так, как принято, как от тебя ожидают. В дискурсе зафиксировано множество устойчивых, стандартных высказываний, фраз, речений, которые говорящий может задействовать в подобных речевых ситуациях. В основе таких дискурсивных средств лежит обобщённая модель речевого поведения обывателя, предложенная Т.М. Николаевой, которая характеризует язык обывателя как чаще всего «неиндивидуализированный, основывающийся на чувстве социальной солидарности, плотно заполненного социального окружения»⁷. Подобная модель включает ментально-речевые стереотипы, реализуемые в определённых коммуникативных ситуациях, например, такие как мультипликация явления (*Нас по полициям затаскали, а вы дома прохлаждаетесь*), увеличение масштаба отдельного факта

⁷ Николаева Т.М. указ. соч., с. 166.

(«Да ей уже под сорок было, - говорят о родившей в тридцать пять»⁸).

В языке также есть конструкции, выполняющие роль прагматических операторов, соответствующих коммуникативной установке «так принято; все / многие так считают». Одной из таких конструкций является конструкция «**Говорят, что...**». Данная конструкция с семантико-прагматической точки зрения полифункциональна. Так, высказывания *Говорят, она врач* и *Говорят, она вредная*, будучи идентичными с синтаксической точки зрения, различаются прагматически. Первое высказывание указывает на принципиально проверяемый эмпирический факт: либо она врач, либо нет. Здесь конструкция «*говорят, что...*» выполняет прагматическую функцию: «Я не отвечаю за достоверность этой информации, но согласен принять объективную данность, какой бы она ни оказалась». Ср. также: *Говорят, она сына родила*; *Говорят, завтра дождь будет*. Высказывания же типа *Говорят, она вредная / добрая / умная / красивая* указывают на принципиально непроверяемый факт, скорее не на факт, а на точку зрения, на интерпретацию, на оценку. По этой причине в норме (если нет особых контекстных и конситуативных условий) они имеют иную прагматическую природу и могут быть прочитаны: «Так принято считать. Предлагаем тебе признать это и присоединится к нам.

Таким образом, «**говорят**» является прагматическим оператором, вводящим различную информацию. При этом какая прагматическая информация должна быть активизирована адресатом, зависит не только от ситуации общения, но также от содержания подчинённой части, от пространителей при «**говорят**» (ср., *так говорят, как говорят, все говорят, все так говорят*) и от позиции «**говорят**» в тексте. Так, для того чтобы высказывание выполняло прагматическую функцию «так принято», «**говорят**» должно вводить информацию об оценке объекта (ср.: *А душа, говорят, бессмертна!* К. Симонов; *Говорят, что поэт – поёт.* И. Елагин)⁹, какое-либо прецедентное высказывание или событие (*В таких случаях говорят: побеждает дружба.* Вл. Плотников; *Говорят, выше себя не прыгнешь.* А. Алексин; *Про упрямых говорят: «Нашла коса на камень».* Л. Яхнин; *Говорят, что Ева плод сорвала с дерева познания, добра и зла.* Н. Асеев); обобщённо-личное мнение, слухи, «сплетня» (*Вот, говорят, не бывает в наш век сердечных людей.* М. Булгаков; *Говорят, Беатриче была горожанка, / Некрасивая, толстая, злая.* Д. Самойлов; *Говорят, что великаны только ростом велики, / Говорят, что великаны – это просто дураки.* Из песни.) На данном прагматическом значении основан смысл «абсурдных» русских пословиц: *Говорят – кур доят, а коровы яйца несут; Говорят – хлебы варят, а щи пекут.*

⁸ См. об этом там же, с. 167-173.

⁹ Здесь и далее контексты употребления взяты из: Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru

Для более адекватного понимания высказывания могут быть значимыми также наличие распространителей при «**говорят**» и его позиция в высказывании. Ср.: (1) *Говорят, что она вредная*; (2) **Все** *говорят, что она вредная*; (3) **Многие** *говорят, что она вредная*; (4) **В деревне** *говорят, что она вредная*; (5) *Она вредная – так говорят*; (6) **Так** *говорят: она вредная*. Слова *все* и *многие* не просто распространяют предложение, а меняют его структуру, что, впрочем, не существенно отражается на их семантике: они продолжают передавать значение, близкое к неопределённо-личному. Но при этом наличие слова *все* повышает вероятность достоверности подобной информации, придаёт высказыванию большую категоричность (ср.: *Все говорят: нет правды на земле*. Пушкин; *Все говорят – ты целитель души*. Брюсов; *Не я один, все говорят: хануги они*. И. Грекова; - *Да это все говорят!* – хрипит он яростно. Окуджава; *Она, / Все говорят, артисткой быть великой рождена*. Плещеев.)

Выражение «**так говорят**», передавая прагматическое значение «так принято», чаще всего находится в постпозиции, и в этом случае обычно акцентно выделено слово *говорят*, ср.: *У меня мало эмоций, больше логики. Так говорят. Хотя это ещё как посмотреть*. В. Валеева; *Вчера он был один во всей Москве, - теперь явился другой гусар, во сто раз милее и любезнее: по крайней мере, так говорят в доме княгини Н. К.Н. Батюшкова; У кошки семь жизней, так говорят*. Г. Садулаев. Однако в отдельных случаях возможно двоякое прочтение высказывания – с акцентным выделением как одного, так и другого слова: **так говорят, так говорят**. Ср.: «*Брось его в грязь – будет он князь*» - **так говорят про овёс**. Л. Шустова. При акцентном выделении слова *говорить* высказывание передаёт прагматическое значение «так принято говорить», при выделении же слова *так* подобное высказывание прочитывается как «принято говорить **таким образом**». В препозиции выражение «**так говорят**» всегда передаёт последнее значение и соответственно акцентно выделяется слово *так*, ср.: *В народе по подобным поводам так говорят: терпится – слюбится*. В. Кучеренко.

Мы рассмотрели только одну конструкцию, которая передаёт значение «так принято» и тем самым указывает либо на валоризованные в социуме события и факты, либо на факты, которые говорящий выдаёт за таковые. Безусловно, в языке есть и другие подобные конструкции (ср., «считается, что», «думают, что» и т.д.), которые должны быть рассмотрены с этой точки зрения и, возможно, выделены в особый прагматический класс.

* * *

Рассматривая те явления и те процессы, которые приводят в конечном итоге к образованию знака в культуре, в дискурсе, в языке, мы только

лишь подошли к незримой, неосязаемой, неуловимой грани, где соприкасаются две важнейшие сферы, управляющие всеми жизненными, коммуникативными, ментальными, языковыми процессами – к стихии эмпирических фактов и к системе валоризованных элементов. Человек как индивид наблюдающий, мыслящий, коммуницирующий и социум как общность управляющая, направляющая и регулирующая являются непосредственными участниками этого процесса, более того его деятелями.

Индивид и социум, «я» и «другие» - дихотомия, являющаяся непременным условием образования любой семиотической системы. Кто важнее в этой дихотомии – наблюдающий и мыслящий индивид или управляющий и регулирующий социум? Скорее, их постоянное взаимовлияние. Влияние, воздействие – вот ключевая идея и двигатель процесса образования знака. Однако влияние «других» часто бывает виртуальным: сам индивид в своём воображении, рефлексировав, говорит себе: «А что подумают другие?» В этой «всеобщей психологии» первым увидел закономерность Джон Локк и назвал его «законом доброго имени». «Суть его состоит в том, что каждый индивид находится в фокусе внимания своего социального окружения, которое формирует некоторые оценочные суждения о нём, судит его с точки зрения принятых в этом социуме норм и правил. И каждый индивид, всегда связанный со своим окружением и зависимый от него, озабочен тем, каковы эти суждения, и учитывает их /.../. В своём поведении он учитывает, что говорят и, как ему кажется, думают о нём, и, в то же время, он сам тоже участвует в этом бесконечном процессе взаимооценок. Поэтому, чтобы не быть "белой вороной" и не получить низкие оценки от других, он сам должен судить других, исходя из тех же критериев, что и они /.../. Это расширение "закона доброго имени" до "закона мнений" описал Дэвид Юм. А в XX веке основоположник символического интеракционизма Джордж Мид дал этому феномену название — «обобщённый другой»¹⁰.

В социуме с высокой плотностью валоризации прагматическая роль индивида-деятеля, «самостоятельного коммуниканта», активно координирующего факты эмпирии с валоризованной системой и способного выходить за её границы, минимизирована. В таком обществе царствуют «обобщённый другой», «масса». «Масса любит плотность. Она никогда не может стать слишком тесной или слишком плотной. Не должно быть чего-то в промежутках между людьми, не должно вообще быть промежутков, по возможности всё должно стать ею самою»¹¹.

Наша жизнь полна стереотипов, за которыми обыватель часто скрывает свои истинные чувства: так удобнее, так человек застрахован от непо-

¹⁰ **Ослон А.** Мир теорий в эпоху «охвата» - <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/652>

¹¹ **Канетти Э.** Масса и власть. - <http://knijky.ru/books/massa-i-vlast>

нимания, а подчас и от преследования, ему комфортнее в «массе». Но в жизни многих наступает всё-таки «момент истины», и тогда в человеке пробуждается «индивид-деятель» и он находит в себе силы прорвать «ментальный панцирь» валоризованной системы.

Ключевые слова: валоризация, валоризованная система, эмпирическая система, речевые стереотипы, ментальные стереотипы

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – Վալորիզացիան կյանքում և լեզվում – Հոդվածը նվիրված է արդի նշանագիտության և լեզվաբանության կարևորագույն հարցերից մեկին՝ նշանի գոյացման մեխանիզմներին և փորձնական (էմպիրիկ) փաստի արժեքավորմանը: Վալորիզացիան (արժեքավորումը) բնորոշ է մշակութային բոլոր ոլորտներին, մասնավորապես՝ լեզվի և խոսքի միավորներին: Հետևաբար հոդվածում փորձ է արվում վերծանել և նկարագրել այն շարժառիթներն ու գործառնությունները, որոնք հանգեցնում են նշանի ձևավորմանը՝ թե՛ հասարակական կյանքում, թե՛ մշակութային ցանկացած ոլորտում և թե՛ լեզվում:

Բանալի բառեր – վալորիզացիա (արժեքավորում), արժեքավորված համակարգ, փորձնական (էմպիրիկ) համակարգ, խոսքային կարծրատիպ, մտքային կարծրատիպ

ROUZAN GRDZELYAN – Valorization in Life and in Language. – The article is devoted to one of the most important problems of modern semiotics and linguistics - the problem of the transformation of empirical fact in sign. Valorization is characteristic of all cultural spheres, particularly in the language and speech. The article attempts to dissect and describe the causes and processes that lead to the formation of the sign - in society, in the field of culture and language.

Key words: valorization, valorization system, empirical system, speech stereotypes, mental stereotypes